

СУДЬБЫ РУССКАГО ХОЗЯИНА.

Всѣхъ людей, по тому, какъ они относятся къ собственности, можно раздѣлить на 5 группъ: 4 активныхъ и одну пассивную.

Первая группа — *хозяева* въ душѣ, работающіе, бережливые, дѣловитые. Они — организаторы труда, созидатели цѣнностей, накопители міровыхъ богатствъ.

Вторая группа — *святыя*, безкорыстные, неприхотливые, невзыскательные. Для нихъ житейскія блага не имѣютъ никакого значенія.

Третья группа — *завистники*, люди озлобленные и безплодные, типъ, дальнѣйшаго поясненія не требующій.

Четвертая группа — безхозяйственные люди, безалаберные, лишены дѣлового чутья и пониманія, бездарные, безтолковые, лѣнливые, расточительные. Сюда же нужно отнести фантазеровъ, далекихъ отъ жизни теоретиковъ и наивныхъ мечтателей. Назовемъ эту группу, условно, *неудачниками*.

Означенные 4 основные типа въ чистомъ видѣ рѣдко встрѣчаются, и обыкновенно въ жизни приходится имѣть дѣло съ людьми сложной психики, являющейся смѣшеніемъ этихъ типовъ въ разныхъ сочетаніяхъ и въ разныхъ пропорціяхъ. Возьмемъ, для примѣра, социалистическое настроеніе. Оно получается изъ соединенія *зависти* и *безхозяйственности*; преобладаніе первой дастъ социаль-демократовъ, преобладаніе второй — социалистовъ-революціонеровъ.

Очень рѣдко, но очень цѣнно, сліяніе *святого* и *хозяина* въ одномъ лицѣ. Образцомъ такого сочетанія являются первые игумены старыхъ сѣверно-русскихъ монастырей.

Пятая группа — это *пассивное большинство*, не имѣющее ни опредѣленныхъ мнѣній, ни опредѣленныхъ убѣжденій, совершенно неустойчивое въ своихъ настроеніяхъ. Эта безформенная масса способна примкнуть къ любой изъ вышеупомянутыхъ активныхъ группъ. — сегодня къ одной, завтра къ другой.

Въ Америкѣ сейчасъ господствуетъ идея «хозяина»; въ Россіи — идея «завистника и неудачника». Отчасти это вызвано тѣмъ, что русскій безхозяйственный человѣкъ чрезвычайно самодоволенъ и самовлюбленъ, поэтому часто напористъ въ жизни и энергиченъ въ спорѣ. Талантъ у насъ въ Россіи скромнѣе, чѣмъ бездарность. У европейцевъ—скорѣе наоборотъ. Западный завистникъ тоже менѣе самоувѣренъ, агрессивенъ и нахралистъ, чѣмъ русскій. Кто, напримѣръ, не знаетъ у насъ одну изъ его разновидностей—«обличителя», вѣчнаго искателя чужихъ ошибокъ и проступковъ, вздорнаго, мелочнаго, придирчиваго, пристрастнаго и всегда безтолковаго. За границей этотъ типъ менѣе извѣстенъ. Зато у насъ, какъ бы въ противовѣсъ ему, еще сохранилось пониманіе хозяйственной святости и память о ней. Все это, такъ же, какъ и представленіе о хозяйственномъ грѣхѣ, почти пропало на Западѣ.

Значеніе такихъ воспоминаній очень важно; мы увидимъ это изъ дальнѣйшаго, а пока перейдемъ къ сравненію русскаго типа хозяина съ современнымъ западнымъ. Послѣдній сталъ возникать въ Европѣ послѣ реформаціи, сильно измѣнившей всю психику западныхъ людей.

Извѣстный нѣмецкій соціологъ Максъ Веберъ однимъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на ту связь, которая существуетъ между духомъ западнаго *капитализма* и *протестантизмомъ*. Онъ указываетъ на слѣдующее. Протестанты, а особенно кальвинисты и пуритане, отличались большой строгостью жизни. Свѣтскія удовольствія презирались, роскошь изгонялась. Этотъ мірской аскетизмъ выражался хозяйственно въ бережливости, доходящей до скарденности, въ неприхотливости и въ трудолюбіи. Одновременно наблюдалась необычайная преданность тому дѣлу, которымъ человѣкъ занимался. Религіозная подкладка такой добросовѣстности заключалась въ *покорности Воли Божіей*, указывающей каждому тотъ жизненный путь, по которому онъ долженъ идти. Вѣра въ предопредѣленіе у очень многихъ соединялась съ увѣренностью въ принадлежности къ числу избранныхъ и съ вынесеннымъ изъ односторонняго чтенія Библии убѣжденіемъ, что *матеріальное благополучіе есть признакъ праведности и угодности Богу*. Въ результатѣ создавалось настроеніе, которое постепенно превратилось въ неудержимое стремленіе къ наживѣ, въ желаніе непременно разбогатѣть. Достиженіе этой цѣли облегчалось все увеличивав-

шимся размахомъ экономической жизни. И здѣсь протестантизмъ сыгралъ большую роль, устранивъ главное препятствіе на пути развитія важнѣйшаго фактора современнаго хозяйственнаго строя — кредита.

Дѣло въ томъ, что средневѣковая католическая церковь считала большимъ грѣхомъ и запрещала давать деньги въ ростъ. Правило это постоянно нарушалось, но организація кредита все-таки тормозилась. Кальвинъ и многіе другіе протестантскіе богословы стали на другую точку зрѣнія и открыто *разрѣшили брать проценты*. Снятіе клейма неблаговидности съ банковской дѣятельности повело къ значительному ея расширенію, и вопросъ о кредитѣ сталъ на твердую и законную почву въ протестантскихъ государствахъ. Оттуда духъ капитализма (въ связи съ отходомъ Римской церкви отъ ея прежней непримиримости по отношенію къ процентамъ) распространился по всему Западу, но съ теченіемъ времени сталъ сильно мѣняться. Еще въ XVII, а въ Америкѣ даже въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX столѣтія западный «хозяинъ» чувствовалъ себя не абсолютнымъ распорядителемъ своего богатства, а *Божіимъ управителемъ*. Очень мало отъ всего этого осталось въ половинѣ XIX вѣка: оболочка еще кое-гдѣ сохранилась, но сердцевина истлѣла. Аскетизмъ замѣнился жаждой наслажденій; чувство отвѣтственности передъ Богомъ пропало; зато еще возросло преклоненіе передъ богатствомъ, и въ такомъ видѣ, рука-объ-руку съ матеріализмомъ, духъ капитализма проникъ въ Россію. Тамъ онъ встрѣтилъ не пустое мѣсто, а историческій, вѣками складывавшійся *типъ «русскаго хозяина»*.

Хозяинъ-православный во многомъ отличается отъ кальвиниста. Мірской аскетизмъ есть и у насъ, но онъ не постоянный, а періодическій, связанный съ *постами*. Отношеніе къ богатству тоже другое. Оно не считается грѣховнымъ, но на бѣдность не смотрятъ какъ на доказательство негодности Богу. Поэтому, въ Россіи нѣтъ того сухого, презрительнаго отношенія къ бѣднякамъ, которое появилось на Западѣ послѣ реформаціи. Протестанты, конечно, предписываютъ благотворительность, но организовавъ ее очень хорошо формально, они вынули изъ нея душу, осудивъ *личную милостыню*, столь дорогую и близкую русскому человѣку.

Что же касается до сознанія своего положенія, лишь какъ *Божьяго довѣреннаго по управленію собственностью*, то оно

было ввѣдрено въ православнаго еще прочнѣе, чѣмъ въ пуританина.

По отношенію къ большому вопросу о процентахъ Восточная Церковь держалась слѣдующей практики: осуждала ихъ принципиально, она фактически боролась лишь съ ростовщичествомъ, не налагая огульныхъ каръ на всѣхъ взимателей процентовъ и не прибѣгая къ помощи мірской власти, какъ Католическая Церковь.

Условія русской экономики особенно требовали такого отношенія, ибо *вся колонизація Сѣвера шла на кредитъ*. Въ связи съ этимъ банкирскій классъ Сѣверной Руси, Новгородское боярство, пользовался почетомъ и большимъ политическимъ вліяніемъ; и Церковь отнюдь не причисляла его къ числу отверженныхъ.

Однако, новидимому, въ народной душѣ остался какой-то осадокъ противъ торговли деньгами. Еще на моей памяти, въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ московскомъ купеческомъ кругу держалась своеобразная расцѣпка различныхъ видовъ хозяйственной дѣятельности. Болѣе всего уважалось занятіе промышленностью: фабриканты и заводчики стояли на первомъ мѣстѣ; за ними шли купцы; а къ лицамъ, занимавшимся коммерческимъ учетомъ, даже безъ всякаго оттѣнка ростовщичества, и изъ самыхъ дешевыхъ % %, — отношеніе было неискреннее: въ глаза уважали, а за глаза пренебрежительно говорили «процентщики».

Можетъ быть, здѣсь и нужно искать объясненія, почему у насъ въ 19-омъ вѣкѣ совсѣмъ не существовало старыхъ и крупныхъ, чисто-русскихъ банкирскихъ домовъ, а такихъ же промышленныхъ и торговыхъ фирмъ было очень много.

Возвращаясь къ старинѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что смягчающее вліяніе Православія на характеръ дѣловыхъ отношеній хотя и было большимъ въ тѣ времена, но осуществлялось оно не легко, а лишь путемъ упорной борьбы съ человѣческими слабостями. Сложна и полна противорѣчій природа русскаго челоуѣка, и «хозяинъ» не составляетъ въ этомъ исключенія. Классическій его типъ до сихъ поръ сохраняется въ лицѣ *хозяйственнаго великорусскаго мужика*. Кто знаетъ этого упорнаго стяжателя, прижимистаго, твердаго, настойчиваго въ трудѣ, смекалистаго, ловкаго, часто очень одареннаго, но одновременно обуяннаго большой духовной гордостью, тотъ пой-

метъ, что не всегда ему легко склонять свою умную, но упрямую и обуреваемую соблазнами голову передъ заповѣдями Христа.

Такими были и наши предки.

Несмотря на постоянные нелады, ссоры и взаимное недоброежелательство между верхами и низами стараго русскаго торгово-промышленнаго класса, чувствовалось все-таки что-то общее во всѣхъ, отъ именитыхъ людей Строгановыхъ и до мелкихъ торгашей.

Оттѣсненіе, послѣ Петра Великаго, занятія торгово-промышленной дѣятельностью на низшую ступень соціальной лѣстницы въ Имперіи — было ошибкой съ государственной точки зрѣнія; но за то оно сохранило чистоту и единство типа.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока приходъ капитализма и вторженіе новыхъ, социалистическихъ идей не поставили русскихъ людей передъ лицомъ измѣнившихся отношеній и новыхъ фактовъ.

Завистники получили наконецъ то, чего они такъ долго добивались и отъ чего Церковь ихъ удерживала, а именно: *теоретическое обоснованіе права на зависть*, ея оправданіе.

Безхозяйственность, вмѣсто разбойничьихъ атамановъ и самозванцевъ, нашла новыхъ вождей въ лицѣ социалистическихъ пророковъ и слилась съ завистью.

Идея святости и идея хозяина, такія различныя по заданію и по осуществленію, обѣ стали подвергаться яростнымъ нападкамъ.

Началась борьба за массу безразличныхъ. Положеніе «хозяевъ» сразу стало очень тяжелымъ, такъ какъ большая часть «безразличной» интеллигенціи *быстро примкнула къ союзу завистниковъ и неудачниковъ*. Къ этому присоединился еще расколъ въ группѣ хозяевъ, и народная стихія, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе стала уходить изъ-подъ вліянія ихъ идеологіи. Смыслъ раскола заключался въ томъ, что верхи хозяйскаго класса *духовно оторвались* отъ его низовъ, и, переставъ ими идейно руководить, отдали хозяйчиковъ во власть чуждымъ и враждебнымъ вліяніямъ.

Но если во всякой соціальной группѣ верхушка является мѣстомъ, гдѣ идеология класса разрабатывается и оформляется, то низы остаются хранителями преданій и духа: разрывъ ду-

ховной снязи съ ними лишаетъ верхи притока жизненныхъ соковъ и обрекаетъ ихъ на *увяданіе*. Картину такого увяданія даетъ исторія почти каждаго Московскаго большаго купеческаго рода. Обыкновенно она протекала такъ.

Основатель фирмы, выйдя изъ народной толщи, сохранялъ до самой смерти тотъ укладъ жизни, въ которомъ онъ выросъ, несмотря на то, что онъ уже являлся обладателемъ значительнаго состоянія. Конечно, въ его быту все было лучше и обильнѣе, чѣмъ раньше, но, въ сущности, то же самое. Хозяинъ не чувствовалъ себя ни въ бытовомъ отношеніи, ни духовно *инымъ*, чѣмъ рабочіе его фабрики. Но очень гордился тѣмъ что вокругъ него «кормится много народа». Въ такомъ пониманіи своего положенія бывшій крѣпостной, а теперь перво-степенный купецъ, совершенно не расходился со средой, изъ которой вышелъ. Всѣ окружающіе, бѣдные и богатые, окрестные мужики и его же фабричные, уважали старика именно за то, что онъ фабрикантъ, дающій заработокъ сотнямъ и тысячамъ рабочихъ. Вотъ почему ему и въ голову не приходило считать себя за свое богатство въ чемъ-то виноватымъ *передъ людьми*. Другое дѣло Богъ: *передъ Нимъ* было *сознаніе вины* въ томъ, что изъ посланныхъ средствъ недостаточно удѣляется бѣднымъ.

Два обстоятельства являются характерными для старыхъ русскихъ купеческихъ фамилій. Во-первыхъ. — ихъ *крестьянское происхожденіе*, во-вторыхъ, — *глубокая религіозность* ихъ основателей. Дѣйствительно, если нѣтъ купеческихъ родовъ изъ духовнаго званія, мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ, однодворцевъ, а всѣ именитые купцы у насъ изъ мужиковъ, то, равнымъ образомъ, всѣ данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что родоначальники принадлежали какъ разъ къ тѣмъ деревенскимъ семьямъ, которыя отличались *особенной ревностью къ вѣрѣ*; не мало среди нихъ и старообрядцевъ.

Такое настроеніе сохранялось и во второмъ поколѣніи. Сынъ основателя дѣла, обыкновенно, во многомъ походилъ на отца, часто превосходя его, однако, талантливостью, размахомъ и умомъ; онъ-то и выводилъ фирму на широкую дорожку, дѣлая ее извѣстной на всю Россію. При немъ жизненный обиходъ становился, конечно, инымъ; простота исчезала и заводилась роскошь, но зато очень развивалась *благотворительная дѣятельность*: строились церкви, школы, клиники, богадѣльни;

тратились деньги и на поддержку славянофильскихъ изданій. Одновременно сохранялась во всей полнотѣ *профессиональная гордость*; и сынъ былъ такимъ же сознательнымъ и властнымъ хозяиномъ, какъ отецъ; но старой близости съ народомъ и съ мелкимъ хозяйчикомъ уже не было: начинало сказываться различіе въ образѣ жизни и, что еще существеннѣе, въ психологій. Двѣ причины способствовали измѣненію послѣдней.

Съ одной стороны смерть старика-отца совпадала съ тѣмъ моментомъ, когда духъ капитализма начиналъ прочно утверждаться въ Россіи; можетъ быть, этотъ духъ увеличивалъ дѣловую дисциплину и порядокъ, но зато подсушивалъ отношенія, изгоняя патріархальность изъ амбаровъ и фабрикъ. Верхи видѣли преимущества новаго духа для дѣла; низы жалѣли о старой простотѣ.

Съ другой стороны, увеличивавшееся значеніе въ государствѣ крупной промышленности и торговли стало *приближать большихъ хозяевъ къ правящему классу дворянъ и чиновниковъ*, а маленькіе хозяева даже у себя на мѣстахъ попрежнему испытывали самое пренебрежительное къ себѣ отношеніе со стороны не только *представителей власти*, но и *интеллигенціи*, которая начинала играть большую роль въ Россіи.

Такое нарушеніе единства въ хозяйской средѣ, какъ уже было сказано, постепенно привело къ полному расхожденію верховъ и низовъ. Этотъ губительный не только для *идеи*, но въ послѣдствіи и для *самаго существованія собственности въ Россіи*, разрывъ завершился при внукѣ основателя рода.

Съ него и съ его сверстниковъ началось *духовное оскуднѣніе хозяйской аристократіи*.

Люди двухъ предшествовавшихъ поколѣній учились на мѣдные гроши, но много читали и думали, особенно сынъ. Внукъ кончаетъ университетъ, говоритъ на трехъ иностранныхъ языкахъ, изъѣздилъ весь міръ, уменъ и талантливъ, но душа у него раздвоена. Старый идеаль «благочестиваго богача» — кажется ему наивнымъ; быть богачомъ неблагочестивымъ, сухимъ, жесткимъ, какъ учить Западъ, — душа не принимаетъ; остановиться всецѣло на мірской «святости» гуманизма и социализма — мѣшаетъ знаніе жизни; а все-таки начинаетъ казаться, что другого выхода нѣтъ. Въ результатѣ — горькое разочарованіе, ибо унаслѣдованный отъ предковъ без-

пощадныи и острыйи мужичій умъ, несмотря на весь гипнозъ окружающей интеллигентской среды, не можетъ не видѣть того, что въ свѣтской «святости» социализма — мудрости змія совсѣмъ нѣтъ, а отъ голубиной кротости остались одни жалкія отребья.

Печалень бывалъ иногда копецъ *кающагося купца*.

Сынъ его, правнукъ родоначальника, за отцомъ не идетъ и проникается всецѣло трезвымъ міросозерцаніемъ западнаго капиталиста конца XIX вѣка. Разсуждаетъ онъ такъ: «Я реалистъ, а не мечтатель, какъ бѣдный отецъ; да, чего грѣха таить, и покойный дѣдъ былъ со странностями. Штрафами, немолимымъ увольненіемъ неспособныхъ рабочихъ—онъ добился того, что нашъ товаръ сталъ почти безпорочнымъ, выше всѣхъ по качеству. Это было очень разумно, совсѣмъ по-европейски, а онъ, чудакъ, часами у себя въ моленной поклоны билъ, каялся, плакалъ, у Бога прощенія за свою строгость просилъ; деньги нищимъ (тѣмъ же прогнаннымъ льяницамъ) раздавалъ; ясли, санаторіи для рабочихъ строилъ. Непонятно! Чего тамъ заниматься метафизикой: *почему я богатъ, для чего я богатъ?* Богатъ, и дѣло съ концомъ; мое счастье. Теперь нужно только наиболѣе рационально использовать деньги всецѣло и исключительно *для себя*. Конечно, есть недовольные, бѣдные, социалисты, анархисты; но буржуазный строй проченъ; мнѣ самому и защищаться не нужно, на то есть полиція и войска . . .»

Трезвый умъ обманулъ реалиста: пришли большевики, и его «счастье» превратилось въ мнѣ; это часто бываетъ съ трезвыми умами.

Нельзя сказать, чтобы въ началѣ XX-го столѣтія верхи хозяйскаго класса состояли только изъ *циниковъ* и *кающихся купцовъ*; какъ разъ въ послѣдніе годы стали выступать и заставили себя выслушивать люди, почеркнувшіе въ идеалахъ дѣдовъ—*вѣру въ идею «хозяина»*; но эти люди опоздали . . . или пришли слишкомъ рано: удержать лавину они, конечно, не смогли — и старый русскій купецъ хозяйственно погибъ въ революціи такъ же, какъ погибъ въ ней и старый русскій баринъ.

Что же касается до хозяйчика, то онъ еще задолго до воцаренія коммунизма, оплеванный и часто оклеветанный, былъ лишенъ всякаго общественнаго сочувствія. Всѣми фибрами своей души этотъ трудолюбецъ чувствовалъ свою *полезность*, а

ему твердили, что онъ — «паразитъ». Немудрено, что во время большевицкаго переворота и непосредственно послѣ него такъ называемый кулакъ соблазнился и лукавилъ.

Разореніемъ, трупами, неслыханнымъ униженіемъ, голодомъ и холодомъ, заплатилъ хозяйственный мужикъ за *временную измѣну идеѣ хозяина*; но, все-таки, *выжилъ* . . .

Послѣ Нэпа, какъ извѣстно, въ Россіи стала возникать новая буржуазія. Она имѣетъ двойкій характеръ. Городской нэпманъ, очень пестрый по своему племенному и классовому происхожденію: еврей, русскій, бывший приказчикъ, бывший баринъ, купецъ, чиновникъ, педагогъ, биржевой дѣлецъ, инженеръ, мелкій лавочникъ, адвокатъ — наживаетъ, главнымъ образомъ, *рвачествомъ*, обходомъ большевицкихъ законовъ, умѣніемъ давать взятки, *пронырствомъ*. Въ сравненіи съ коммунистами и эти люди, конечно, очень цѣнны, но объективно—ихъ общественная польза, какъ класса, не велика, и выдѣляемая ими группа такъ называемыхъ *скоробогачей* (нуворишей) не имѣетъ дѣловой и соціальной устойчивости. Практика Западной Европы показала, что большинство изъ нихъ при возвращеніи нормальныхъ дѣловыхъ условій разоряется. Вотъ почему можно думать, что изъ городскихъ нэпмановъ лишь немногіе уцѣлѣютъ послѣ большевиковъ.

Другой типъ буржуазіи возникаетъ въ деревнѣ. Источникъ ея обогащенія — здоровая, творческая, дѣйствительно полезная хозяйственная дѣятельность. Эта группа очень однородна по составу: ее пополняетъ, главнымъ образомъ, *крестьянство; за ней будущее*. Изъ того же корня, изъ котораго въ свое время выросъ верхній слой стараго русскаго торгово-промышленнаго класса, вырастаетъ и новое настоящее русское купечество.

На двухъ фронтахъ бьется оно противъ коммунистовъ: на *дѣловомъ* и на *церковномъ*, ибо и сейчасъ, какъ и встарь, хозяйственный мужикъ — ревнитель благочестія. На религіозномъ фронтѣ побѣда уже обезпечена, хотя частичныя пораженія еще будутъ. На экономическомъ фронтѣ борьба, вѣроятно, затянется, но ея исходъ тоже предрѣшенъ: хозяинъ тѣснить и доконаетъ коммуниста.

Намѣчается еще одно, чрезвычайно большое достиженіе: въ Россіи возрождается не только инстинктивная хозяйская сознательность, но въ умахъ, несомнѣнно, созрѣваетъ и основательная *«теорія хозяина»* и *«оправданіе собственности»*. Про-

исходитъ это при содѣйствіи большевиковъ. Любители словопреній, они, въ сущности говоря, превратили всю Россію въ громадный экономическій семинарій, въ практическія занятія, посвященныя доказательству правильности идей Маркса и Ленина. Не вина совѣтскихъ властей, что работа этого семинарія, несмотря на всѣ ухищренія руководителей, послужила противъ нихъ, воочію доказавъ несостоятельность социализма и коммунизма, значеніе частной собственности и пользу хозяйствъ.

Особенно поразительнымъ оказался полный провалъ принципа *планомѣрности*. Кризисы не только не пропали, но еще усугубились. Выяснилось, къ великому удивленію коммунистическихъ теоретиковъ, что «анархическій» хозяйскій режимъ въ смыслѣ предвидѣнія событій, парирования неожиданностей, смягченія экономическихъ толчковъ, былъ куда болѣе совершеннымъ, чѣмъ пресловутая социалистическая планомѣрность. Въ частности оказалось, что размѣры потребленія при старой формѣ единоличнаго хозяйствованія регулировались гораздо лучше, въ большемъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными возможностями и въ то же время много эластичнѣе и гибче, чѣмъ при большевикахъ.

Экономическое просвѣщеніе русскаго народа — единственное, чего достигли большевики, вопреки ихъ собственнымъ намѣреніямъ: и это просвѣщеніе можетъ оказаться много болѣе значительнымъ, чѣмъ мы думаемъ.

Судя по тому, что западная, а особенно англо-саксонская интеллигенція сейчасъ вступаетъ въ полосу переживаній, напоминающихъ наши шестидесятые годы, есть основаніе опасаться, что русскія событія современемъ повторятся въ Англии и въ Америкѣ. Появленіе тамъ богатыхъ купчиковъ, барчуковъ и барынь, балующихся социализмомъ, въ родѣ сына Балдвина и дочери маркиза Керзона, признакъ очень плохой.

Если когда-нибудь коммунистическій шквалъ налетитъ на Великобританію и Соединенные Штаты, то, можетъ быть, потрясется весь міръ, но и тогда не заколеблется освобожденная отъ большевиковъ Россія. Дорогую цѣну платимъ мы за провѣрку экономическихъ аксіомъ, но усвоиваемъ ихъ теперь твердо: выстраданную идею собственности русскій народъ никогда больше не отдастъ.